

Александр СОКУРОВ: *Веч. клуб,* В ДЕКАБРЕ МЫ СДЕЛАЕМ ТО, ЧТО НЕ ДЕЛАЛ ЕЩЕ НИКТО В МИРЕ

*— 2001. — 20 июля,
— с. 13*

«Вечерний клуб» уже не раз писал о фильме Александра Сокурова «Телец». Время его действия — один летний день 1922 года. Место — подмосковная дворянская усадьба Горки. Главный герой — смертельно больной человек по имени Владимир Ульянов-Ленин. На конкурсном показе Каннского кинофестиваля «Тельцу» не досталось ни одного приза международного жюри. Но я не помню ни одного фильма, увенчанного каннскими лаврами, на просмотре которого в зале два часа царил бы космическая тишина.

— Откуда взялось такое название — «Телец»?

— Самое простое объяснение — это гороскоп, знак Зодиака, под которым родился Ленин. Но в буквальном смысле слова телец — это жертвенный теленок, который никогда не станет взрослым существом, не исполнит своего предназначения. Мы говорим о том человеке, который очень много хотел, жил слишком быстро — и был изначально несчастен. Хочу подчеркнуть, что я снимал не политический фильм. Не случайно главного героя картины никто ни разу не назвал по имени. Я сознательно хотел выйти за пределы «ленинианы». Меня мало интересует политика — по-моему, ее страницы пишут малоталантливые люди с ограниченной интуицией. Меня интересует человеческий характер. Думаю, что судьбы, похожие на ту, которая показана в «Тельце», можно через раз видеть в русских семьях — когда мужчина амбициозен и старается не видеть того, что у него за плечами. Что делать, если он понимает, что в его судьбе ничего не получается? Несчастливые люди совершают зло, и часто — во власти. Если говорить о Ленине, то в итоге

он был наказан дважды — историей и судьбой. История перечеркнула все, что он сделал, а судьба уготовила ему страшный конец.

— Изменилось ли ваше отношение к главному герою в процессе создания фильма?

— Конечно, я мог бы делать фильм о том Ленине, который был в 1923-м, даже в начале 1924 года — об умирающем, парализованном человеке, почти животном — и такой фильм наверняка посмотрели бы многие. Но я хотел показать его не перед лицом смерти, а в том состоянии, когда он сопротивлялся наступающей катастрофе.

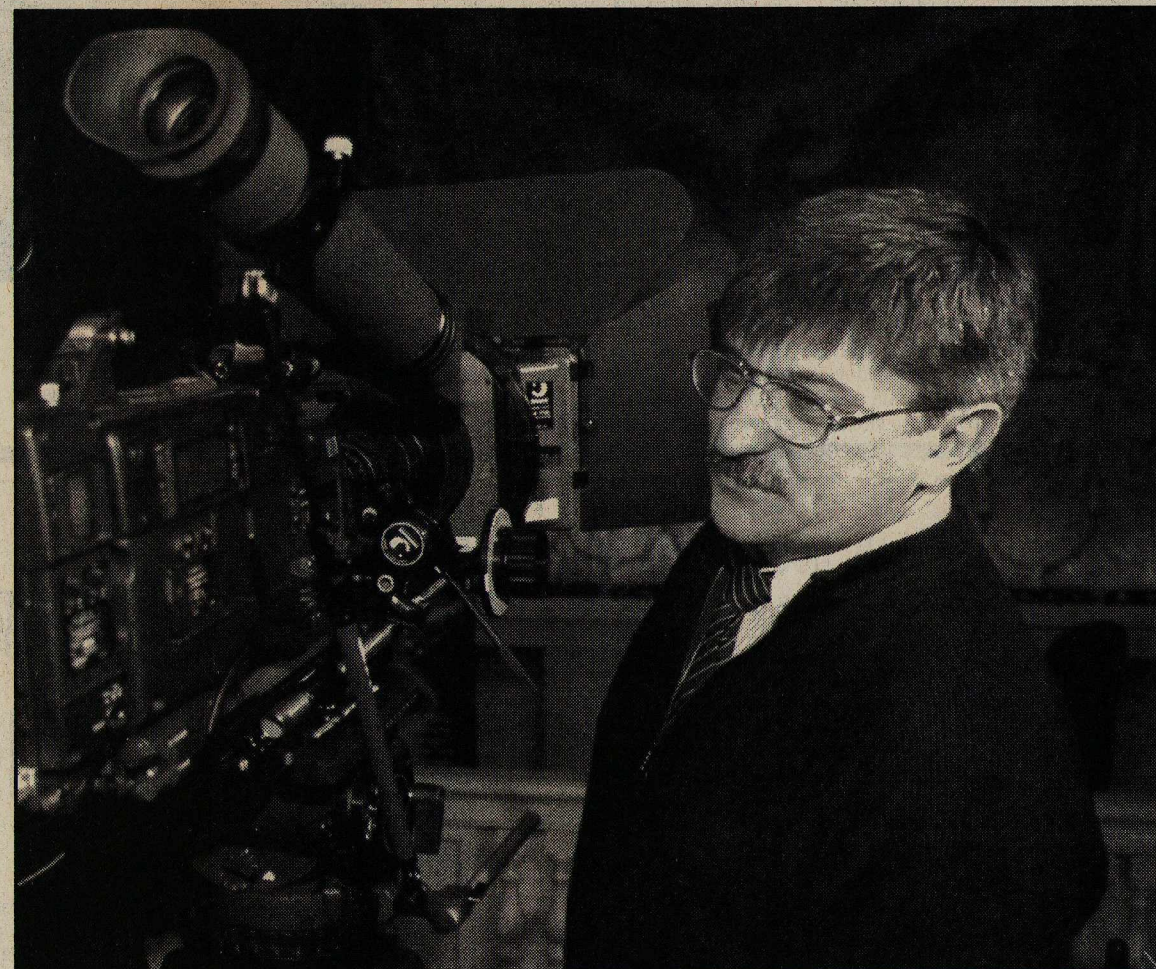
— Я знаю, что до ВГИКа вы закончили исторический факультет. Это как-то отразилось на съемках «Тельца»?

— Наверное, именно как фундамент, в каких-то показанных там бытовых деталях. Дело в том, что я учился в провинциальном университете, в Горьком, в самый расцвет застоя и очень интересовался культурой быта России XIX века, деталями повседневной жизни людей той эпохи. Но писать диплом по этой теме мне не дали, и я выбрал другую, к которой никто

не мог придаться, потому что никто ничего не мог в ней понять: «Экономическое положение Латинской Америки». А потом я ушел в другое пространство, в кино. Думаю, мне было бы правильнее учиться на филологическом факультете. Дело в том, что при всем моем уважении к людям, делавшим в России кино как искусство — к Калатозову, Чухраю, Тарковскому, — я все же считаю себя учеником именно литераторов — Диккенса, Флобера, Толстого, Чехова, Фолкнера. Для меня литература — это самое главное и важное искусство. И еще — музыка и живопись.

— Заметно, что многие кадры «Тельца» сняты именно как ожившие картины. Причем делали это именно вы — как оператор собственного фильма.

— Да, я сам стоял за камерой. Прежде всего, потому, что хотел устроить себе самому как автору тотальную проверку — на каком уровне я нахожусь, имею ли я право распоряжаться другими. Причем не только членами съемочной группы, но и зрителями. Я не хочу учить свою публику тому, «как надо» — не дай Бог! Дело в

том, что люди, которые приходят смотреть кино, оплачивают его не только деньгами, но прежде всего часами своей жизни, которые они провели перед экраном. И мне бывает страшно от своей ответственности за то, как они потратили эти часы.

Что касается изображения, то я сознательно старался лишить его объема, сделать похожим на холст. Для съемок «Тельца» одна конструкторская фирма из Санкт-Петербурга помогла нам сделать специальные кинокамеры с объективами без линз. Вместо них стояли специальные призматические стекла разной толщины и плотности.

— А могли бы вы сформулировать главную идею «Тельца»?

— «Телец» и предшествующий ему «Молох» — об одном дне из жизни Гит-

лера — лишь две из четырех частей задуманного мною произведения. Надеюсь, его общий замысел будет понятен после завершения всей работы. Основой третьей части должна стать судьба императора Японии Хирохито — при нем Япония потерпела военное поражение во Второй мировой войне и восстала из руин как великая экономическая держава. Действие четвертой части будет происходить в Австрии в наши дни, в основе сюжета — произведения Гете и Томаса Манна. Конкретные сроки съемок пока назвать не могу, здесь все зависит от финансового фактора.

— Чем, в таком случае, будете заниматься в ближайшее время?

Наш новый проект я считаю рисковым, но очень важным для себя. В полдень 17 декабря 2001 года мы ус-

тановим камеру в Санкт-Петербурге, в Эрмитаже, и будем непрерывно снимать полтора часа без остановок и монтажа. В мире так фильмы еще никто не делал. Это будет попытка показать историю России в бытовом смысле через череду «живых картин» в подлинных интерьерах. Там будет эпоха Петра Великого, спектакль времен Екатерины Второй в Эрмитажном театре, прием Николаем Первым персидских послов, бал с участием Николая Второго. В съемках будут заняты 60 ведущих артистов и около 2000 статистов.

Встречался
Максим ТОКАРЕВ,
соб. корр. «Комсомольской
правды» в Женеве — специально для
«Вечернего клуба»